

Виктор
ЗОНИС

СОЛОМОН.
ЦАРЬ ТЫСЯЧИ ПЕСЕН

РОМАН

Харьков
«ФОЛИО»
2015

ВСТУПЛЕНИЕ

Желтый карлик злобно нависал над пустыней. Миллионы жарких лет, долгих и одинаковых, ревнивое солнце обволакивало пески изнуряющим зноем, оберегая гордое безмолвие от малейших посягательств скудной, зарывшейся глубоко в песок жизни. Миллионы лет бесконечного безвременья, миллионы лет испепеляющих сумерек...

Так было всегда, с самого начала Времен, когда промысел Сущего творил Жизнь, а, может быть, еще до того, потому что Сущий творил Жизнь, а пустыня рождала Смерть.

Но заканчивался долгий день, и солнце, отдав свою губительную страсть, уходило за край песков, куда-то в другой мир, где оно становилось ласковым и нежным, благословенным и благодостным. В эти короткие часы на пустыню опускалась вкрадчивая ночь, из-за гор налетал ветер, забирая и унося к холодным звездам жар раскаленных песков. Барханы приходили в движение, перетекали, сливаясь и распадаясь; на их вершинах появлялись суетливые ящерицы, замирали, пугливо всматриваясь в темноту огромными стеклянными глазами. Под осыпающимся песком обнажались скрюченные болью, оторванные от безводных корней растения-призраки. Они легко снимались с места, сухо и жалобно потрескивали, перегоняемые бесцельным ветром от бархана к бархану. Это тоже была жизнь, жизнь не во имя, а вопреки, жизнь во владениях победившей ее смерти...

В один из таких особенно знойных дней, в самый полдень, 15 дня месяца Таммуза, на безжизненном горизонте в дрожащем мареве разреженного воздуха появилась едва различимая точка. Спустя немного времени она увеличилась, разрослась. На сером в коричневых проплешинах осле, старом и хромом, двигался человек, такой же древний, как и грустное животное, обреченно тащившее на себе непосиль-

ную ношу. Поверх грубой холщовой рубахи он был одет в видавший виды, посеревший от времени, некогда белый в крупную черную полосу длинный плащ, почти полностью скрывающий просторные холщовые штаны. Ступни ног, искривленные временем и дорогами, мягко облегли желтые кожаные сандалии – единственное яркое пятно в изношенной блеклости его одежды. Старик сидел, неестественно выпрямив спину, словно привязанный к невидимой жерди, абсолютно равнодушный к окружающему миру и испепеляющему зною, к жуткому крику голодного и уставшего животного. Под белым пышным головным убором – знаком высокого положения в обществе – на пергаментно-желтом лице, причудливо изрытом иссушенными каналами морщин, светились пытливые, глубокие глаза мудреца. Острый крючковатый нос почти касался бескровных, тонких и властных губ, спрятанных под пологом длинной седой бороды. У его ног, плотно прижатых к бокам осла, болтались с двух сторон переметные дорожные сумы.

Великий Пророк Израиля Натан медленно двигался в сторону святого города Иерусалима...

К концу третьего дня пути пески поредели, заперестрели проплешинами сухой, каменистой почвы, из-за горизонта суровыми призраками выросли покрытые зеленью горы.

– Ну вот, – пробормотал Натан, потрепав осла по холке. – Завтра, даст Бог, к вечеру будем в граде Давидовом. Потерпи еще немного, вон у той горы сделаем привал, там и наешься всласть...

Старик тяжело слез с животного, трясущимися пальцами бережно снял переметные сумы, недолго постоял, притопывая онемевшими ногами, разгоняя по дряхлому телу жидкую и усталую кровь. Покопавшись в мешке, он поочередно извлек оттуда кожаную флягу с водой, сухую лепешку, большой лоскут грубой льняной ткани. Натан расчистил ногами

Bobk Г. 2007 г.

землю от камней и прилег, опершись спиной о большой валун. Он медленно жевал лепешку, периодически делая мелкие, экономные глотки тухлой и бесценной воды, бездумно наблюдая за ослом, с радостным криком набивавшим утробу сухой и жесткой травой. Утолив голод, Натан с усилием подтащил к себе поближе тяжелые сумки и стал бережно извлекать оттуда их содержимое: тонкие глиняные таблички, густо испещренные надписями, свитки хрупкого папируса, несколько восковых дощечек для записей. Он любовно и сосредоточенно перебирал таблички, бережно подносил близко к подслеповатым глазам, вчитываясь в содержание. Черты его аскетического лица разгладились, стали мягче, добрее; глаза наполнились внутренним светом, отраженным последними лучами уходящего солнца.

Стало быстро темнеть, и Натан в обратном порядке аккуратно сложил в сумки таблички и пергамент, привязал отяжелевшего, икающего осла к деревцу и закрыл глаза. Однако долгожданный сон не приходил, в голове роились бесвязные мысли, толкались, рвались наружу яркие и потускневшие от времени картинки-призраки. Натан заворочался, закряхтел, перевернулся на спину и усталился немигающим взглядом в глубокое черное небо, щедро наряженное яркими и бесстрастными звездами...

«Ну вот, — думал он, — завтра — Иерушалаим, город любимый и ненавидимый, город славы и бесчестья моего великого и беспутного народа. Сколько же лет прошло с тех пор, как я поселился в Галааде, навсегда покинув этот город? Без малого десять...»

Кто же знал, что Бог так надолго отведет от меня смерть, продлит бранные годы мои, чтобы увидел я расцвет и падение двух царей; двух великих царей, равных которым не было под небом Израиля от Дана до Вирсави, да и не будет, потому что щедрость Бога, даже для избранных детей

его, не безгранична. Да, Бог ничего не делает просто так, и хоть Он больше не является мне во снах и молитвах, хоть и утратил я Великий Дар пророчества, растерял его в суете и богопротивных делах своих, исполню последний долг перед людьми... Целых сорок лет процарствовал великий Давид, сын Иесея, над народами Иуды и Израиля, и всего сорок лет как забрал Бог его в обитель вечную, а сколько небьлиц напле-ли о нем неблагодарные людшики! Да, не исправить теперь это... Слухами, что летят быстрее самой быстрой стрелы, обросло имя его. И сын Давида, превзошедший делами своими отца, не успел остыть еще перед Предвечным, как стали хулить его те, кто при жизни трепетал от одного упоминания имени его... Эх, Соломон, Соломон, сколько раз предостерегал я тебя, сколько раз волю Божью приносил на устах своих...

Торопиться нужно: память подводит, пальцы не гнут-ся, глаза в пелене... Торопиться надо, торопиться! Собрать все таблички с записями деяний Соломона, сына Давидова, моими и писателя Иосафата, сына Исаяи, и других, кто за царем ходил. Собрать, отбросить глупое и ложное, вспомнить недостающее. Успеть бы только составить, свести воедино летопись эту о сорока годах царствования мудрого и великого – третьего царя Иудеи и Израиля, Шломо¹, сына Давидова, рожденного им от прекрасной Бат Шевы² ...»

¹ Шломо – ивритское произношение имени Соломон (греч.).

² Бат Шева – дочь Элиама, жена Давида и мать Соломона.

ГЛАВА I.

*Слова Экклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме:
«Суета сует, – сказал Экклезиаст, – все суета! Что
пользы человеку от всех трудов его, которыми трудит-
ся он под солнцем?»*

*Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки...
Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту
своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и перехо-
дит к северу, кружится, Кружится на ходу своем, и воз-
вращается ветер на круги свои. Все реки текут в море,
но море не переполняется: к тому месту, откуда текут
реки, они возвращаются, чтобы опять течь.*

*Все вещи – в труде: не может человек пересказать все-
го; не насытится он зрением, не наполнится ухо слу-
шанием.*

*Что было, то и будет; и что делалось, то и будет де-
латься, и нет ничего нового под солнцем.*

*Бывает нечто, о чем говорят: смотри, вот это новое:
но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

*Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не оста-
нется памяти у тех, которые будут после... »*

Экклезиаст. Гл. 1 (Кохелет, книга Соломона)

Соломон, высоко подняв над головой факел и держась за скользкую стену, осторожно спускался в подземелье. Заканчивалась еще одна душная ночь, предвестница знойного иерусалимского дня... заканчивалась еще одна бессонная ночь. Это было его время – время, когда великий царь незаметно покидал ложе одной из своих жен и, никем не замеченный, крадучись пробирался в тайную, глубоко запрятанную под мощным фундаментом царского дворца комнату, становясь с каждой пройденной ступенью тем, кем он и был на самом деле – ранимым, сомневаю-

щимся, придавленным бременем неограниченной власти человеком.

Соломон плотно прикрыл за собой тяжелую дверь и повесил факел на стену. Пламя нервно затрепетало в неподвижном и затхлом воздухе, скудно осветив просторное помещение – мрачное, сырое, зловещее. Сводчатый, закопченный дымом факелов потолок низко нависал над неровным, вымощенным крупными каменными плитами полом. Посреди него бесстрастным, суровым стражем из земли выростал, размером с человека, испещренный символами и знаками алтарь, увенчанный нефритовой чашей. Комната казалась обителью неведомого и мрачного божества, порожденного заполнившим ее смарадом и страхом.

Соломон прищурился, привыкая к неровному тусклому свету, и тяжело вздохнул. Вот уже неделю, каждую ночь, в последний ее час, он, преодолевая неизменное ощущение ужаса, приходил сюда, чтобы исполнить то, чего он не знал и чего боялся.

Царь еще раз осмотрелся, отыскал привыкшим к полумраку взглядом скамью в углу комнаты, присел на нее, напряженно вслушиваясь в тишину. Где-то за дверью слышались вкрадчивые шаги, и в помещение вошел худощавый, высокого роста пожилой человек. Он остановился в шаге от двери, низко поклонился, выискивая взглядом царя.

– Ну... – подал голос Соломон. – Почему так долго?

Аменхотеп пожал плечами:

– Ты же знаешь, Великий, сколь подозрительной сделалась к старости принцесса Мельхола.

– Чем меньше пользы от человека в жизни, тем больше он за нее цепляется, – проворчал Соломон.

– Мудро, как всегда, мудро, великий царь! – поклонился евнух.

– Ладно, хватит разговоров! Все принес?

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1.....	8
Глава 2.....	18
Глава 3.....	24
Глава 4.....	33
Глава 5.....	44
Глава 6.....	53
Глава 7.....	64
Глава 8.....	70
Глава 9.....	81
Глава 10.....	92
Глава 11.....	104
Глава 12.....	110
Глава 13.....	124
Глава 14.....	134
Глава 15.....	148
Глава 16.....	163
Глава 17.....	169
Глава 18.....	181
Глава 19.....	195
Глава 20.....	202
Глава 21.....	215
Глава 22.....	222
Глава 23.....	237
Глава 24.....	254